

Власть патриаршая и архиерейская в древней Руси в их отношении к власти царской и к приходскому духовенству.

Среди других вопросов, интересующих, занимающих в настоящее время русское общество, невольно выдвигается и вопрос о положении русской церкви, о той роли, какая бы ей должна принадлежать в строе и направлении всей нашей жизни. Находят, что наша церковь в лицъ своих представителей, стоит совершенно в сторонѣ отъ охватившаго различныя общественныя слои движения. Такое отношение папства къ явлениямъ текущей жизни, его сознательное уклонение отъ дѣятельной живой роли въ ней, обыкновенно объясняется многими тѣмъ, что русская церковь не есть самостоятельное самоопредѣляющееся учреждение, а только одно изъ вѣдомствъ государственной машины: что она безусловно и во всѣхъ отношеніяхъ подчинена свѣтской власти, во всемъ дѣйствуетъ только по ея указаніямъ, подъ ея постояннымъ блиательнымъ до мелочей контролемъ, что ея высшіе представители,—только заурядные административные чиновники, назначаемые и увольняемые свѣтскою властію.— и потому, по самой своей сущности, имѣющіе очень отдаленное сходство съ истиннымъ архипапствомъ. Русская церковь, говорятъ, несвободна, она придавлена свѣтскимъ чиновничествомъ, не можетъ сдѣлать ни одного самостоятельнаго шага, а потому и не можетъ проявить себя въ общественной жизни, какъ творческая умиротворяющая сила, авторитетно и энергично проводящая въ жизнь свои зиждительныя начала,—она, самымъ своимъ ненормальнымъ отношеніемъ къ свѣтской власти, обречена на бездѣятель-

ность, на пассивное отношеніе, хотя бы къ самымъ законнымъ и настоятельнымъ запросамъ жизни. Многіе задумывались надъ этимъ печальнымъ угнетеннымъ положеніемъ нашей церкви, ищутъ для нея подходящаго выхода и невольно обращаютъ свой взоръ къ родному прошлому, къ русской старинѣ, и тамъ думаютъ найти, и повидимому находятъ, дѣйствительное, по ихъ мнѣнію, средство вывести нашу церковную жизнь на ея настоящую торную дорогу, съ которой она была будто насильственно сведена тому двѣсти лѣтъ назадъ поклонникомъ запада императоромъ Петромъ. Говорятъ, что нужно у насъ возстановить уничтоженное Петромъ патріаршество, когда-де церковь наша была независима отъ свѣтской власти, когда она, управляясь своимъ главою—патріархомъ, могла оказывать и дѣйствительно оказывала въ нужныхъ случаяхъ могущественное вліяніе на всю общественную и самую государственную жизнь, и когда сама свѣтская высшая власть слушала ея совѣты, принимала во вниманіе ея указанія и свои важнѣйшія постановленія приводила въ исполненіе не иначе, какъ по ея благословенію, почему-де ни одно крупное и замѣтное явленіе въ общественной и государственной жизни не происходило тогда помимо вѣдома и благословенія главы церкви—патріарха. Такъ смотрятъ обыкновенно на государственное и общественное значеніе нашего древняго патріаршества, и потому желаютъ его возстановленія въ настоящее время, въ видахъ придать нашей современной церкви ту силу и вліяніе на жизнь общества, которыя ей принадлежать по праву, отнятому у нея съ учрежденіемъ Святѣйшаго Синода.

Сдѣлаемъ небольшую историческую справку для уясненія того, чѣмъ въ древней Руси патріаршество было въ дѣйствительности, въ какомъ отношеніи оно находилось къ царской власти и пр., чтобы видѣть, можно ли возстановленіе у насъ патріаршества въ томъ видѣ, какъ оно существовало въ древней Руси, считать такою мѣрою, которая дѣйствительно дастъ нашей церкви независимость отъ свѣтской власти, откроетъ просторный и широкій путь для мощнаго ея воздѣйствія на всю нашу общественную жизнь.

Въ удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи власть митрополита всея Руси была совершенно независимою отъ свѣтскихъ туземныхъ властей. Митрополиты были греки, ихъ

избирали и ставили на Русь константинопольскіе патриархи: вмѣстѣ съ греческими императорами, судить и осудить ихъ, лишить ихъ кафедръ могъ только патриархъ, который разбиралъ всѣ жалобы на русскаго митрополита. Русскіе князья неучаствовали въ выборѣ и постановленіи митрополита, и, въ случаѣ недовольства какими-либо его дѣйствіями, могли только жаловаться патриарху, но сами, соборомъ своихъ мѣстныхъ архіереевъ, судить и низвергать митрополита не могли. Эта независимость митрополита отъ князей создавала ему особое исключительное положеніе въ отношеніи къ нимъ: митрополитъ, не боясь князей, могъ смѣло, рѣшительно и твердо проводить въ жизнь общества и государства церковно-христіанскія начала, могъ, какъ облеченное высшимъ духовнымъ авторитетомъ лицо, обличать и мирить враждующихъ князей, смѣло вступаться за всѣхъ обиженныхъ и несчастныхъ, обличать общественныя беззаконія и неправды, и вообще являть изъ себя образъ истиннаго, власть имѣющаго, архипастыря; къ заявленіямъ, обличеніямъ и настояніямъ митрополита ни одинъ князь не могъ отнестись равнодушно или пренебрежительно. Если вся Русь представляла тогда изъ себя рядъ небольшихъ, нерѣдко враждующихъ княжествъ, гдѣ каждый удѣльный князекъ считалъ себя полнымъ господиномъ и хозяиномъ своего удѣла, если власть великаго князя была очень неопредѣленна, слабо выражена, часто переходила изъ однихъ рукъ въ другія, и потому не могла дѣйствовать на всю русскую территорію, на строй жизни и на правленіе ея въ цѣломъ народѣ; то иною совсѣмъ была власть митрополита. Она была единою для всей Руси, ея вліяніе и значеніе простиралось на весь народъ, который видѣлъ въ митрополитѣ своего высшаго верховнаго руководителя и отца, она имѣла подъ собою строгую каноническую почву, которая точно опредѣляла кругъ, сферу и образъ ея дѣйствій; ей—власти митрополита, церковными законами подчинены были всѣ епархіальные архіереи, обязанные безпрекословно повиноваться во всемъ распоряженіямъ и указаніямъ своего верховнаго архипастыря, который назиралъ за всею ихъ пастырскою дѣятельностью, творилъ надъ ними судъ и правду. Словомъ политически разъединенная Русь, церковно объединялась тогда въ лицѣ митрополита, который былъ

ея духовнымъ главою и владыкой, стоявшимъ внѣ всякой прямой и юридической зависимости отъ свѣтской власти князей. Духовный владыка русской земли, былъ во многихъ отношеніяхъ сильнѣе и вліятельнѣе разьединенныхъ и враждующихъ между собою свѣтскихъ владыкъ,—онъ вносилъ въ русское общество творческія высшія христіанскія начала жизни, на которыхъ должна была строиться и развиваться и частно-семейная, и общественная, и самая государственная жизнь цѣлаго народа,—въ сферы этой жизни, неисключая самыхъ интимныхъ, подчинялись его наблюденію и воздѣйствію, почему власть митрополита естественно должна была имѣть тогда доминирующее значеніе во всей тогдашней народной жизни, имѣть рѣшительный перевѣсъ передъ раздробленной на маленькія враждующія между собой части свѣтской государственной власти. И если тогдашніе митрополиты неиспользовали всей силы и могущества своей духовной власти въ видахъ того или другого своего воздѣйствія на весь строй и характеръ народной жизни, то причина этого заключалась вовсе не въ томъ, чтобы высшая духовная власть встрѣчала какія-либо серьезныя ограниченія и стѣсненія со стороны свѣтской власти въ своемъ стремленіи воздѣйствовать на народную жизнь, всецѣло подчинить ея своему духовному водительство, а въ томъ, что, за рѣдкими исключеніями, тогдашніе наши митрополиты были иноземцы, чуждые намъ по языку, воспитанію, нравамъ и обычаямъ. Русская жизнь съ ея строемъ, запросами и интересами была для нихъ совершенно чужая, сторонняя, ихъ незатрогивавшая, къ которой они въ большинствѣ относились спокойно—равнодушно, вовсе недумая тѣсно сживаться и сливаться съ нею. И личныя ихъ качества, конечно, далеко не всегда были выдающимися, не всегда и серьезная образованность была ихъ принадлежностью; лучшіе—образованные и даровитые іерархи нужны были и въ Греціи, и едва ли такія лица выражали особенную охоту идти въ далекую и, по понятіямъ грековъ, варварскую Русь, въ которую по необходимости попадали въ большинствѣ люди средняго, искавшіе виднаго и доходнаго мѣста, какого они не могли получить у себя дома. Притомъ иностранцы митрополиты приносили на Русь тѣ идеалы общественнаго и государственнаго строя и жизни, которые были выработаны

нихъ родиною. Сдѣлавшись русскими митрополитами они и на Руси руководились греко-византійскими нормами, какъ лучшими и совершеннѣйшими, а потому въ своей общественно-государственной дѣятельности, въ качествѣ русскихъ митрополитовъ, проявляли нетворчество на основѣ русскихъ національно-мѣстныхъ условій, а только переносили на русскую почву стороннія ей византійскія нормы права, порядка и пр. А между тѣмъ на Руси стало складываться сильное московское княжество, а въ немъ сильная власть великаго князя. И какъ только московскіе князья выдвинулись изъ ряда другихъ удѣльныхъ князей, они сейчасъ же привлекли къ себѣ митрополита, убѣдивши его поставить свою митрополичью кафедру въ Москвѣ. Затѣмъ они, уже теперь сильные и вліятельные, настояли предъ константинопольскимъ патриархомъ, что бы русскіе митрополиты ставились обязательно изъ русскихъ и чтобы они были избранниками великаго князя. Образовался тѣсный союзъ власти духовной и свѣтской въ лицѣ митрополита и въ лицѣ великаго князя московскаго и всея Руси. Опираясь между прочимъ на содѣйствіе митрополитовъ, великій князь московскій успѣлъ подавить всѣ удѣльныя княжества, заставилъ себя признать главою и верховнымъ управителемъ уже цѣлаго московскаго царства, политическимъ хозяиномъ и распорядителемъ его судьбы; никакой другой князь не могъ болѣе оспаривать теперь первенства и главенства великаго князя московскаго. Тогда стали измѣняться и ихъ отношенія къ митрополитамъ; московскіе князья достигли того, что митрополиты не только избирались великимъ княземъ изъ русскихъ, но и ставились въ Москвѣ, совершенно независимо отъ константинопольскаго патриарха, соборомъ русскихъ іерарховъ. Этотъ новый порядокъ избранія и постановленія митрополита, сразу кореннымъ образомъ измѣнили общественное положеніе митрополита и его отношеніе къ свѣтской власти. Митрополитъ избирался изъ подданныхъ великаго князя, избирался изъ лицъ ему желательныхъ и имъ указанныхъ, и, ставъ митрополитомъ, попрежнему оставался его подданнымъ, вполне зависимымъ отъ князя. Если бы такъ избираемый и поставляемый митрополитъ сталъ въ чемъ-либо противиться волѣ великаго князя, послѣдній всегда легко могъ замѣнить его другимъ

болѣе угоднымъ ему лицомъ,—соборъ русскихъ іерарховъ, подданныхъ великаго князя и поставляемыхъ подъ его воздѣйствіемъ, всегда готовъ былъ исполнить волю и желаніе великаго князя. Изъ свободнаго и независимаго отъ свѣтской власти митрополитъ теперь превращается въ покорнаго слугу великаго князя, исполнителя его велѣній и желаній. Изъ прежнихъ правъ, которые ранѣе принадлежали митрополиту, независимому отъ свѣтской власти, теперь осталось только одно: право печаловаться предъ великимъ княземъ за опальныхъ, несчастныхъ и обиженныхъ, да и этимъ-то правомъ пользовались уже не всѣ митрополиты, и пользовались притомъ съ большою оглядкою. Какъ скоро свѣтская власть вполнѣ убѣдилась, что она сильнѣе духовной, что митрополитъ въ существѣ такой же подданный великаго князя, какъ и другіе его подданные, съ ними не стали церемониться. Митрополитовъ неправившихся высшей свѣтской власти, стали спокойно низводить съ ихъ престоловъ, и замѣнять другими болѣе подходящими лицами. За обличенія свѣтской власти и за „печалованія“ передъ нею святой митрополитъ Филиппъ не только лишенъ былъ канедры, но и самой жизни. Послѣ этого и право митрополитовъ „печаловаться“ стало все болѣе суживаться и все рѣже проявляться, а наконецъ и совсѣмъ было забыто представителями нашей церкви.

Такимъ образомъ еще московскіе митрополиты превращены были въ покорныхъ и нерѣдко раболѣпныхъ слугъ—„потаконниковъ“, какъ ихъ тогда называли, великаго князя; высшая духовная власть—митрополитъ былъ совершенно беспомощенъ и безправенъ предъ выросшею и окрѣпшею властію великаго князя, который уже избиралъ, ставилъ и низводилъ митрополита по своему желанію и усмотрѣнію. Народъ и все общество не находило въ такомъ порядкѣ дѣлъ ничего ненормальнаго; по его мнѣнію дѣло такъ именно и должно было стоять, такъ какъ митрополитъ у насъ никогда небылъ народнымъ избранникомъ, и потому никто, кромѣ великаго князя, небылъ у насъ заинтересованъ въ личной судьбѣ того или другаго митрополита,—все вѣдаетъ и знаетъ князь. Онъ всѣмъ распоряжается и, въ частности митрополитомъ, его избранникомъ и ставленникомъ. Народъ только желалъ, чтобы былъ митрополитъ, какъ поручитель за правильный

и безостановочный ходъ обычной церковной жизни; но до тѣхъ или другихъ отношеній митрополита къ великому князю, до самой личности митрополита, той или другой его судьбы и положенія, ему небыло собственно никакого дѣла. Въ такихъ взаимныхъ отношеніяхъ находились у насъ свѣтская и духовная власть, когда учреждено было патриаршество.

Москва была признана русскими законною наслѣдницею Византіи, въ силу чего Московскій великій князь вѣнчался царскимъ вѣнцомъ, и его царское вѣнчаніе было торжественно признано и утверждено особымъ соборнымъ актомъ четырехъ вселенскихъ восточныхъ патриарховъ. Но византійскія представленія требовали, чтобы рядомъ съ царемъ всегда существовалъ и патриархъ,—это было необходимо для полноты православнаго христіанскаго царства. Въ силу, между прочимъ, именно этаго представленія болгарскіе и сербскіе государи, принимая титулъ императоровъ, въ тоже время всегда учреждали у себя и патриаршество, несмотря на энергическое противодѣйствіе Константинопольскихъ патриарховъ. Русскіе, въ этомъ случаѣ, стояли также на почвѣ византійскихъ представленій и потому у нихъ, вслѣдъ за утвержденіемъ на Руси царскаго достоинства, естественно явилась мысль и объ учрежденіи въ Москвѣ патриаршества, чтобы Москва и съ церковной стороны ничѣмъ неуступала старой Византіи, чтобы и въ Москвѣ въ этомъ отношеніи было точно также, какъ и въ Византіи при ея старыхъ благочестивыхъ царяхъ. Этого требовала полнота христіанскаго русскаго царства, теперь единаго православнаго во всей вселенной; этого требовало вполнѣ цвѣтущее и блестящее внѣшнее положеніе русской церкви, особенно сравнительно съ бѣдственнымъ угнетеннымъ положеніемъ всѣхъ другихъ православныхъ восточныхъ церквей; этого требовало рѣзко бросающееся въ глаза несоотвѣтствіе между положеніемъ Москвы, какъ покровительницы и опоры для всѣхъ восточныхъ православныхъ церквей и самихъ восточныхъ патриарховъ, и іерархическимъ положеніемъ ея церковнаго главы, только простаго митрополита. Естественно было поэтому желать русскимъ, чтобы рядомъ съ московскимъ царемъ существовалъ и московскій патриархъ, чтобы благодаря этому русская церковь заняла подобающее ей положеніе среди другихъ православныхъ восточныхъ церквей.

Когда въ 1586 году въ Москву прибылъ за милостынею антиохійскій патріархъ Іоакимъ, то царь Ѳедоръ Ивановичъ, говоритъ статейный списокъ объ учрежденіи у насъ патріаршества, „помысля съ своею благовѣрною и христоролюбивою царицею Ириною, говорилъ съ бояры: изначала, отъ прородителей нашихъ, кіевскихъ, владимірскихъ и московскихъ государей царей и великихъ князей благочестивыхъ, поставлялись наши богомольцы, митрополиты кіевскіе, владимірскіе, московскіе и всея Россіи отъ патріарховъ цареградскихъ и вселенскихъ“; потомъ ихъ стали поставлять въ Москвѣ „по приговору и по избранію прародителей нашихъ и всего освященнаго собора, отъ архіепископовъ и епископовъ, россійскаго царства даже и до нашего царствія“. Теперь же государь рѣшилъ просить у Бога милости, „дабы устроилъ въ нашемъ государствѣ московскомъ россійскаго патріарха“, почему и слѣдуетъ просить антиохійскаго патріарха Іоакима, чтобы онъ взялъ на себя миссію, довести желаніе царя до свѣдѣнія другихъ восточныхъ патріарховъ. Бояре одобрили мысль царя объ учрежденіи въ Россіи патріаршества и Борису Ѳедоровичу Годунову поручено было войти объ этомъ въ переговоры съ антиохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ, что тотъ и исполнилъ.

Въ этомъ официальномъ разказѣ невольно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что мысль о необходимости учрежденія патріаршества въ Россіи высказывается въ первый разъ царемъ, который, посовѣтывавшись съ своею царицею, сообщаетъ затѣмъ свое рѣшеніе учредить на Москвѣ патріаршество не собору русскихъ іерарховъ, какъ бы можно было ожидать, а боярамъ, и заручившись только ихъ согласіемъ, поручаетъ вести переговоры съ антиохійскимъ патріархомъ не митрополиту или какому-либо другому іерарху, а Борису Годунову. На участіе въ этомъ церковномъ дѣлѣ какого-либо духовнаго лица, а тѣмъ болѣе цѣлаго собора іерарховъ, нѣтъ и намека. Очевидно, участіе духовныхъ властей въ обсужденіи вопроса объ учрежденіи у насъ патріаршества считалось пока совершенно излишнимъ.

Когда въ 1588 году въ Москву неожиданно прибылъ за милостынею самъ константинопольскій патріархъ Іеремія. царь, опять посовѣтывавшись съ своею царицею и поговоря только съ боярами, а не духовными властями, рѣшается вос-

пользоваться пребываніемъ въ Москвѣ Іереміа, чтобы поставить русскаго патріарха. Для переговоровъ съ Іереміею, по рѣшенію царя и бояръ, назначается попрежнему Борисъ Годуновъ, который долженъ былъ посовѣтоваться съ патріархомъ: „возможно ли тому статися, чтобы ему быти въ его государствѣ, россійскомъ царствѣ, въ стольномъ нашемъ градѣ Владимірѣ“. Когда Іеремія изъявилъ желаніе остаться патріархомъ обязательно только въ Москвѣ, и ни подъ какимъ видомъ не соглашался поселиться во Владимірѣ, несмотря на многократныя уговоры Годунова, царь снова созвалъ бояръ и заявилъ имъ, что такъ какъ Іеремія не соглашается жить во Владимірѣ, а только въ Москвѣ, что неудобно, то-де и слѣдуетъ просить его, чтобы онъ поставилъ въ русскіе патріархи московскаго митрополита Іова, о чемъ, по приговору государя и бояръ, и былъ освѣдомленъ Іеремія Борисомъ Годуновымъ и дьякомъ Андреемъ Шелкаловымъ. Когда Іеремя уже окончательно согласился поставить въ русскіе патріархи „кого благочестивый государь произволить“, только тогда, именно въ 17 день января 1589 года, царь наконецъ собралъ соборъ изъ русскихъ іерарховъ и изложилъ на немъ исторически ходъ переговоровъ объ учрежденіи на Руси патріаршества, заявилъ собору о согласіи Іереміа поставить въ патріархи русскаго, и въ заключеніе предложилъ митрополиту Іову посовѣщаться со всѣми отцами собора, „какъ бы Богъ далъ, такое великое и преславное дѣло въ Россіи устроилось“. На это предложеніе царя отцы собора, посовѣтовавшись между собою, отвѣтили царю, „что они полагаются на волю его—благочестиваго государя“. По избранію и повелѣнію царя митрополитъ московскій Іовъ и былъ потомъ поставленъ Іереміею въ патріархи московскіе и всея Россіи.

Такимъ образомъ, все дѣло учрежденія патріаршества въ Россіи велось исключительно свѣтскою властію и свѣтскими лицами, безъ всякаго участія въ немъ лицъ духовныхъ. И только тогда, когда оно уже рѣшено было окончательно, когда указано было и лицо, предназначенное царемъ въ патріархи, созвали соборъ изъ духовныхъ лицъ, которые однако только смиренно заявили цѣлымъ соборомъ, что они во всемъ „полагаются на волю его—благочестиваго государя“. И такимъ образомъ отказались отъ всякаго дѣятельнаго

участія въ такомъ дѣлѣ, которое, казалось бы, прежде всего и главнымъ образомъ касалось не свѣтскихъ, а духовныхъ лицъ, не боярской думы, а церковнаго собора, и которое должно бы вестись не Годуновымъ и Щелкаловымъ, а тѣми или другими русскими іерархами, какъ ближе, чѣмъ свѣтскія лица, заинтересованными фактомъ учрежденія у насъ патріаршества.

Если учрежденіе патріаршества было у насъ, съ одной стороны, исключительно дѣломъ свѣтской власти, вовсе конечно и недумавшей поступиться этимъ какими-либо своими прежними правами въ пользу духовной, въ видахъ приданія послѣдней больше самостоятельности и силы относительно власти свѣтской; то, съ другой стороны, учрежденіе у насъ патріаршества вовсе не вызывалось и какими-либо особыми настоятельными причинами, лежавшими во внутреннемъ строѣ и характерѣ нашей церковной жизни, въ какихъ-либо мѣстныхъ, чисто церковныхъ, общественныхъ стремленіяхъ и потребностяхъ. Оно—патріаршество, по отношенію ко всей совокупности нашей внутренней церковной жизни, было явленіемъ чисто внѣшнимъ, случайнымъ, не затрогивавшимъ ея прежнихъ основъ, направленія и характера, всегда остававшимся только на ея поверхности, не вносящимъ въ нея ничего новаго, обновляющаго прежній церковный строй жизни и ея прежніе традиціонные порядки. Съ учрежденіемъ патріаршества получилась не новая какая-либо церковная сила, а только внѣшнее украшеніе церкви. Московскій патріархъ по своему общественному и церковному положенію, по своимъ духовнымъ правамъ былъ совершенно то же, что и московскій митрополитъ, существенныхъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи никакихъ не произошло. Значить, съ учрежденіемъ патріаршества отношенія у насъ свѣтской власти къ духовной совершенно не измѣнились, а остались прежнія т. е. и патріархъ, какъ ранѣе митрополитъ, всецѣло и во всемъ зависѣлъ отъ свѣтской власти, которая распоряжалась имъ въ своихъ видахъ, по своему усмотрѣнію, насколько не церемонясь съ самою личностію патріарха, если находила его чѣмъ-либо негоднымъ себѣ. Это съ особенною ясностію обнаружилось уже при самыхъ первыхъ патріархахъ.

Умеръ царь Борисъ Феодоровичъ Годуновъ и патріархъ со

всѣмъ освященнымъ соборомъ присягнулъ сыну Бориса—Феодору. Феодоръ былъ убитъ, а Лжедмитрій провозглашенъ царемъ. Прежде чѣмъ онъ вступилъ въ Москву, толпы москвичей съ оружіемъ и дреколѣмъ вторгнулись въ Успенскій соборъ, гдѣ тогда служилъ Іовъ, не дали ему окончить литургію и, заставивъ разоблачиться, съ позоромъ таскали его по церкви и вывели затѣмъ за Кремль, къ лобному мѣсту, гдѣ толпа была и безчестила патриарха, а потомъ съ криками: „богатъ, богатъ Іовъ патриархъ, идемъ и разграбимъ его“, разграбила домъ и имущество первосвященника, а самъ онъ въ простой ряса чернеца и на убогой телѣгѣ отпращенъ былъ въ городъ Старицу. Между тѣмъ Лжедмитрій торжественно вѣхалъ въ Москву и на лобномъ мѣстѣ, гдѣ недавно народъ билъ и безчестилъ своего патриарха, онъ былъ торжественно встрѣченъ митрополитами, архіепископами, епископами и всѣмъ освященнымъ соборомъ съ крестами, иконами, хоругвями, съ пѣніемъ священныхъ пѣсней. Новый царь привезъ съ собою и новаго патриарха. Это былъ, ранѣе пріѣхавшій въ Москву съ о. Кипра, греческій архіепископъ Игнатій, получившій у насъ рязанскую архіепископію и теперь предложенный Лжедмитріемъ въ московскіе патриархи. Русскіе архіереи безпрекословно исполнили повелѣніе Лжедмитрія, и грекъ Игнатій сталъ законнымъ патриархомъ Московскимъ и всея Россіи. Никто изъ архіереевъ не вступился за обезчещеннаго, публично опозореннаго Іова, никакимъ соборомъ не лишеннаго своихъ патриаршихъ правъ;—они спокойно смотрѣли и на его низверженіе, и спокойно, своимъ согласіемъ, санкціонировали законность поставленія Игнатія. Лжедмитрій былъ убитъ, и въ Москвѣ избрали новаго царя—Василія Івановича Шуйскаго, который немедленно по своемъ избраніи низложилъ патриарха Игнатія, а на его мѣсто велѣлъ поставить Гермогена, архіепископа Казанскаго, что наши іерархи, опять безпрекословно, и исполнили. Шуйскій былъ низложенъ съ царскаго престола, и у насъ образовалась сильная боярская партія въ пользу призванія на московскій престолъ польскаго королевича Владислава. Эта партія временно взяла верхъ и патриархъ Гермогенъ былъ низведенъ съ патриаршаго престола и потомъ погибъ насильственною смертію. На его мѣсто снова былъ возведенъ прежній патриархъ грекъ Игна-

тѣи, который однако чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣжалъ въ Литву, и московская патріаршая кафедра осталась теперь совсѣмъ безъ патріарха. Такъ продолжалось слишкомъ семь лѣтъ, вплоть до избранія въ патріархи Филарета Никитича.

Изъ сдѣланнаго бѣглаго историческаго обзора перемѣнъ въ судьбѣ первыхъ трехъ московскихъ патріарховъ ясно видно, что эти патріархи избирались и низвергались исключительно свѣтскою властію, которая, преслѣдуя свои интересы, распоряжалась патріаршею кафедрою по своему усмотрѣнію и произволу, не встрѣчая себѣ въ этомъ ни малѣйшаго противодѣйствія ни со стороны освященнаго собора, ни тѣмъ болѣе со стороны народа; самъ же патріархъ рѣшительно не имѣлъ никакихъ средствъ въ своемъ распоряженіи, которыми бы онъ могъ хотя сколько-нибудь, оградить себя отъ произвола и насилія свѣтской власти.

Съ восшествіемъ на патріаршій престолъ отца государя—Филарета Никитича Романова, патріархъ сразу получилъ огромное значеніе: онъ не только безконтрольно и независимо управлялъ церковію, но фактически вѣдалъ и всѣ дѣла государственныя, нося титулъ, наравнѣ съ царемъ, великаго государя. Но этотъ блескъ и особое значеніе Филарета Никитича зависѣли вовсе не отъ того, что онъ былъ патріархъ, чтобы теперь за патріаршею властію, какъ такую, были признаны какія-либо особыя, исключительныя права и независимость отъ свѣтской власти, а единственно потому, что онъ былъ отцомъ государя, который во всѣхъ дѣлахъ руководствовался всегда совѣтами и указаніями своего родителя. Въ дѣйствительности же отношенія между патріаршею и свѣтскою властію и послѣ Филарета Никитича продолжали быть такими же, какими они были и ранѣе, т.е. патріархи попрежнему находились въ полной зависимости отъ свѣтской власти, и безъ ея согласія и одобренія не могли сдѣлать ни одного самостоятельнаго шага, тѣмъ болѣе конечно не могли что-либо сдѣлать вопреки ея желаніямъ и настояніямъ.

Два первые преемника Филарета Никитича, патріархи Іоасафъ и Іосифъ, были избранниками и ставленниками государя, и оба были личностями довольно безцвѣтными, даже вовсе и не думавшими о какой-то независимости отъ свѣтской власти, предъ которою они чувствовали и сознавали:

все свое безсиліе. Недаромъ конечно патріархъ Іосифъ, въ послѣднее время своего патріаршества, говорилъ приближеннымъ: „перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, а буде и не отставятъ, я и самъ за соромъ объ отставкѣ стану бить челомъ“. Но вотъ обстоятельства измѣнились: на патріаршій престолъ вступилъ Никонъ.

Благодаря своимъ личнымъ выдающимся качествамъ Никонъ, поставленный въ патріархи царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, приобрѣлъ сильное вліяніе на послѣдняго и сдѣлался полнымъ господиномъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ. Царскій духовникъ, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Воинфатьевичъ, писалъ Ивану Неронову, что царь „на себя такого чина не взимаетъ, чтобъ управити ему, государю, благочестіе... что царь-государь положилъ свою душу и всю Русію на патріархову душу“. Но этаго мало. Царь сдѣлалъ Никона, рядомъ съ собою, великимъ государемъ, и великій государь-патріархъ сталъ теперь принимать участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ наравнѣ съ настоящимъ государемъ, и даже какъ будто иногда и совсѣмъ заслонять собою послѣдняго. У Никона совсѣмъ закружилась голова. Онъ сталъ думать, что дарованная ему царемъ исключительная власть и положеніе въ государствѣ принадлежатъ ему по праву, что свѣтская власть такъ именно и обязана относиться къ власти духовной, какъ высшей ея по своему происхожденію и существу. Никонъ не понималъ, что его положеніе, какъ великаго государя, неимѣетъ подъ собою никакой другой реальной почвы, кромѣ каприза царя, что онъ въ этомъ отношеніи не болѣе какъ случайный временщикъ, и что съ измѣненіемъ его личныхъ отношеній къ царю, неизбѣжно должно было измѣниться и его общественно-государственное положеніе, а окончательный разрывъ съ царемъ неминуемо долженъ былъ повести Никона къ полному паденію. Такой разрывъ съ царемъ дѣйствительно произошелъ, и Никонъ сразу палъ. Но онъ былъ человѣкъ въ высшей степени увлекающійся, честолюбивый и неуступчивый. Онъ не хотѣлъ спокойно помириться съ потерей своего высокаго положенія, онъ рѣшился, и послѣ паденія, бороться и доказать всѣмъ, что его высокое исключительное положеніе въ государствѣ не было слѣдствіемъ милости или каприза царя, а принадлежало ему по праву, какъ главѣ цер-

кви, какъ верховному представителю духовной власти, которая во всѣхъ отношеніяхъ выше власти свѣтской. Свои воззрѣнія на отношеніе царства и священства Никонъ выразилъ очень откровенно и опредѣленно въ своемъ обширномъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Возраженіе или разореніе смиреннаго Никона, Божіею милостію патріарха, противо впросовъ боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисе Лигаридіусу и на отвѣты Паисеовы“. Въ этомъ сочиненіи Никонъ доказываетъ прежде всего ту общую мысль „яко священство и самого царства честнѣйши и большіи есть начальства“, такъ какъ, заявляетъ онъ, „аще бо и честенъ вамъ престоль царскій является отъ приложенныхъ ему каменій и обдержаша и злата, долженъ есть судитися яко царь, но обаче яже на земли получилъ есть строительствовати, и множае сея власти не имать ничтоже“. Другое дѣло священство: „его престоль на небеси посажденъ есть“, и кого священство свяжетъ на землѣ, тотъ будетъ связанъ и на небѣ. „Сего ради, утверждаетъ Никонъ, и царіе помазуются отъ священническую руку, а не священники отъ царствія руки, и самую царскую главу подъ священниковъ рупѣ принося полагаетъ Богъ, наказуя насъ, яко сей она большіи есть властникъ, меньшее бо отъ большаго благословляется“. Ссылаясь на разныя библейскія примѣры, Никонъ обращается къ Лигариду съ вопросомъ: „какъ убо глаголеши, совопросниче, яко царь вручи Никону досматривать всякихъ судебъ церковныхъ? невиде въ вышеписанныхъ, яко не отъ царей начальство священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются, тѣмъ же явлено есть множество, яко священство царства преболше есть“. Никонъ подробно говоритъ объ учрежденіи ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго священства, о распространеніи по разнымъ странамъ христіанства, вмѣстѣ съ которымъ повсюду распространялась и церковная іерархія, рассказываетъ какъ она возникла и распространялась въ частности на Руси, и изъ всего сказаннаго дѣлаетъ такое заключеніе: „что священство не отъ чловѣкъ, ни чловѣкомъ, но отъ самага Бога и нынѣшнее, а не отъ царей, но паче отъ священства царствъ преезыде и нынѣ есть. Священство всюду пречестнѣйше есть царства, якоже выше назнаменахъ отъ божественнаго писанія, и нынѣ паки речемъ: царство, аще и отъ Бога дадеся

въ міръ, но во гнѣвѣ Божіи, и се чрезъ священство помазуются чувственнымъ елеомъ, священства же помазаніе Св. Духомъ непосредственны. *Власть священства только гражданскія лучши есть, елико земли небо, паче же и много вяще...* Якоже капля дождя отъ великія тучи—то есть земля отъ небеси, мирится, *такъ и царство меньшеится отъ священства*". Съ сильнымъ негодованіемъ Никонъ спрашиваетъ: да „почто царь самъ поповы руки цѣлуеъ, которые нами посвящены и ко благословенію приходя и самъ главу свою преклоняеъ? И мы тому чудимся: почто царь архіереомъ и ереомъ нудить руки своя цѣловать, не суть архіерей, ни іерей? Аще и ему, государю, за премногую его гордость, *мнится священство менши царства*, познаеъ тогда различіе царства и священства, егда познани будемъ отъ нелицемѣрнаго судиі—Христа и Бога нашего.“

Усвоивъ себѣ взглядъ на священство, какъ высшее царства, какъ на независимое отъ него ни въ чемъ, требующее себѣ со стороны царства не только вниманія и почитанія, но и послушанія, Никонъ подвергъ, съ этой точки зрѣнія, беспощадной критикѣ существовавшія при немъ, но гораздо ранѣе его сложившіяся отношенія церкви къ государству, и естественно приходитъ къ тому выводу, что церковь у насъ находится въ положеніи гонимой и угнетаемой со стороны свѣтской власти. Никонъ потому будто бы и оставилъ патриаршій престоль, что видѣлъ церковь гонимою со стороны свѣтской власти, что государь пересталъ повиноваться церкви и сталъ несправедливъ къ ея представителю—Никону, котораго онъ теперь всячески гонить и преслѣдуетъ. Но царь гонить, по увѣренію Никона, не только его, но и другихъ архіереевъ и всѣхъ вообще духовныхъ, надъ которыми онъ незаконно присвоилъ себѣ право ставить ихъ, судить, облагать даньми, почему теперь царь обладаетъ и править на Руси всѣмъ церковнымъ, всею русскою церковію. „Но царь, пишетъ Никонъ, не есть и не можетъ быть глава церкви, но яко единъ отъ удѣ, и сего ради ничтожо можетъ дѣйствовать во церкви, ниже послѣдняго четца чинѣ. А что нынѣ чрезъ волю Божию дѣйствуетъ, насильствомъ церкви Божіи насильствуетъ, и вся, яже ихъ, отъемлетъ,—архіереевъ, архимандритовъ и весь священный чинъ судить,—имать самъ судимъ быти отъ нелицемѣрнаго судиі Христа... Гдѣ есть

Христово слово, да власть имать царь надъ церковію?... Дивно есть, какъ челоувѣколюбіе Божіе терпитъ, еже нынѣ неточію самъ царь санъ святительства на ся воспріялъ, но и вси, во власти его сущіи, то творять... Архіерейство государь не почелъ, но и обезчестилъ тако, что невозможно и писати,—безчестнѣе и поганыхъ царей обезчестилъ“. Съ гнѣвомъ Никонъ обращается къ отвѣтотворцу Лигариду: „откуда ты такой гнилой законъ взялъ, еже царемъ церковная правити?... Покажи извѣстно, не отъ своихъ гнилыхъ произношеній, но отъ Божественнаго писанія, гдѣ есть такіе законы, да царіе въ церковныхъ преданіяхъ и уставовъ исправляютъ и повелѣваютъ?... Да гдѣ есть законъ и воля Божія, еже царемъ или вельможамъ его судити архіереевъ и прочіи священныи чинъ и достояніе ихъ?... Да гдѣ есть законъ таковъ и заповѣдь, еже бы царемъ владѣти архіеремъ и прочимъ священнымъ причтомъ?“

Въ своей грамотѣ константинополькому патріарху Діонисію, съ жалобами на царя, Никонъ въ слѣдующихъ словахъ опредѣляетъ тогдашнее отношеніе свѣтской власти къ духовной: „егда царь повелитъ быти собору, тогда бываетъ: и ково велитъ избрати и поставити архіереевъ,—избираютъ и поставляютъ; и ково велитъ судити и обсуждати, и они судятъ и обсуждаютъ и отлучаютъ“.

Никонъ, разсматривая современное ему отношеніе у насъ свѣтской власти къ духовной, приходитъ, какъ и современные ему основатели у насъ старообрядства, къ той мысли, что на Руси наступаютъ времена антихриста, власть котораго не будетъ чувственная и видимая. Антихристъ, говоритъ Никонъ, „повелитъ себѣ кланяться нечувственно, но якоже нынѣ архіереи—оставя свое достояніе священническое и честь, кланяются царемъ и княземъ, аки преобладающимъ, и о всѣмъ тѣхъ спрашиваются, и чести ищутъ и сподобляются, по писанному: оставя прямой путь, ходятъ во стезяхъ погибели“.

Такимъ образомъ Никонъ, вскрывая самымъ рѣшительнымъ образомъ истинное отношеніе, существовавшее тогда у насъ между властію свѣтскою и духовною, въ то же время употребляетъ всѣ усилія доказать, что то необыкновенно высокое положеніе, какое онъ, будучи патріархомъ, занималъ относительно свѣтской власти, вовсе не было случайнымъ.

зависящимъ отъ того или другаго расположенія къ нему царя; но что оно принадлежало ему, какъ главѣ церкви, по праву, такъ какъ священство выше царства и при томъ настолько, насколько небо выше земли. Священство—это душа, царство—тѣло. Какъ душа есть высшее въ жизни человѣка начало, руководящее и регулирующее жизнь тѣла, такъ духовная власть, какъ высшее начало, должна руководить свѣтскою властію, которая, какъ низшая, обязана слушаться и подчиняться власти духовной, во всемъ сообразоваться съ ея требованіями и указаніями,—законы и правила церкви, по самому своему происхожденію, святы, непогрѣшимы, и потому они всегда должны быть незыблемою уряжающею основою не только для церкви, но и для государства. Поэтому всякая попытка свѣтской власти подчинить себѣ духовную, поставить ее въ полную зависимость отъ себя, а тѣмъ болѣе дѣйствовать на нее въ своихъ мірскихъ интересахъ, видахъ и цѣляхъ, принудительнымъ и насильственнымъ образомъ, есть явленіе не просто незаконное, но прямо преступное, за которое свѣтская власть должна подвергнуться тяжкой отвѣтственности.

Высказанныя Никономъ воззрѣнія на отношенія между свѣтскою властію и духовной были такъ новы и необычны для русскихъ, такъ сильно расходились съ тѣмъ, что дала и завѣщала имъ византійская и своя исторія, такъ далеки были отъ исторически сложившихся воззрѣній на свою высшую духовную іерархію, что никакъ не могли считывать, повидимому, на какоелибо сочувствіе себѣ съ чьей бы то ни было стороны. И дѣйствительно: первые противники церковной реформы Никона и основатели русскаго старообрядства, на которыхъ можно въ извѣстномъ отношеніи смотрѣть какъ на выразителей тогдашнихъ общественно-народныхъ воззрѣній, нерѣдко касаются, прямо или косвенно, вопроса о свѣтской и духовной власти, и высказываютъ на этотъ вопросъ взгляды, какъ разъ противоположные тѣмъ, какіе высказалъ Никонъ. Если Никонъ, обличая безмѣрное, по его мнѣнію, превозношеніе царя, писалъ: „того бояться надобно, иже нынѣ славою міра сего превозносятся и гордятся, аки безмертвни и аки боги славятся отъ чловѣкъ безумныхъ, въ сладость приѣмлютъ таковыя безумныя глаголы: ты Богъ земной:“ то Іоаннъ Нероновъ въ 1654 году съ своей

стороны писалъ царю: „припадаю, молю твое благородіе, *ο равноапостольне*, послушати изволи въ сокрушеніи сердца вопіюща ти и слезный источникъ проливающаго ти, государю, и яко богу по Бозѣ прибѣгающаго къ державѣ твоей... О благочестивый царю, *иже воистину по Бозѣ бози*... Долженъ есмь за благородіе твое страдати, иже всегда всѣхъ учашу ми безбоязненно и душу положить за православную вѣру и за тебя, государя... Я готовъ за государское величество, *якоже и за Божіе имя*, аще и до смерти страдать“.—Если Никонъ заявлялъ: „власть священства толико гражданскія лучши есть, елико земли небо, паче же и много вѣще“, что „священство царства преболѣе есть“; то Лазарь совершенно наоборотъ училъ, что власть царя божественна и что „яко отстоитъ небо отъ земли, и солнце выше луны и больши свѣтомъ есть: сице и царская божественная власть вышши и больши прочихъ властей“. Гдѣ нѣтъ царя или гдѣ царская власть восхищена другими, тамъ, по мнѣнію Лазаря, царствуетъ антихристъ. Такъ же, какъ и Нероновъ, Лазарь выражаетъ готовность пострадать за царскую божественную власть.—Если Никонъ усиленно старался доказать, что царь ни подъ какимъ видомъ не можетъ и не долженъ вмѣшиваться въ дѣла церковныя, какъ не подлежащія его вѣдѣнію, и что вмѣшательство въ нихъ со стороны царя было бы не „строеніе церкви, но паче гоненіе“; то противники церковной реформы Никона держались на этотъ предметъ совершенно противоположнаго взгляда. По ихъ убѣжденію на царѣ православномъ лежитъ прямая и непремѣнная обязанность, священный долгъ наблюдать не только за гражданскими дѣлами, но и церковными, и своею высшею властію направлять ихъ, если они почему-либо принимаютъ неправильное теченіе. Въ этихъ видахъ царь можетъ и обязанъ распоряжаться и приказывать въ дѣлахъ церковныхъ, можетъ созывать соборы, предсѣдательствовать на нихъ и вообще руководить всѣми церковными дѣлами: это не только его право, но и обязанность. Нероновъ заявлялъ собору русскихъ іерарховъ: „безъ нихъ, благочестивыхъ государей, несостоится ничтоже, и вселенстїи седмь соборовъ благочестивыхъ царей имѣли и въ пособіе, и въ помощь призывали съ моленіемъ: понеже ихъ помощію и совѣтомъ вѣра христіанская утвердися. И нынѣ также смѣ благочестивымъ

нашимъ государемъ всяка истина утверждается и правовѣ-
ріе въ руссійскомъ его государствѣ яко солнце сіяеть“. Въ
виду этого Нероновъ убѣждаетъ царя для рѣшенія церков-
ныхъ дѣлъ созвать соборъ: „тебе же государю, яко превели-
кому столпу, ту (т. е. на соборѣ) предсѣдати и всѣхъ зрѣти“. Такъ же смотрѣли на дѣло и всѣ другіе единомышленники
Неронова. Инокъ, напримѣръ, Авраамій пишетъ государю:
„вся тягота церковная нынѣ на твоей выи висить; а на
властей (т. е. духовныхъ іерарховъ) ни на которыхъ нечево
смотрѣть—времени служить, а напередъ неозираются бѣд-
ни пастуси“.

Если воззрѣнія Никона, что священство выше царства
не только были чужды и непонятны большинству русскихъ,
но и встрѣчены были, и въ свѣтскихъ правительственныхъ
кругахъ, и въ средѣ вліятельнаго бѣлаго и отчасти чернаго
монастырскаго духовенства, прямо враждебно, и рѣшительно
осуждались какъ гибельныя для церкви и государства; то
отсюда однако вовсе неслѣдуетъ, чтобы эти воззрѣнія про-
шли совсѣмъ безслѣдно для русскаго общества, и вовсе не
находили себѣ сторонниковъ такъ, что бы свѣтская власть
могла не обращать на нихъ никакого вниманія. Дѣло въ
томъ, что Никонъ, когда писалъ свое „Разореніе“, еще про-
должалъ быть патриархомъ и его голосъ, уже по одному
этому, долженъ былъ имѣть вѣсь и значеніе въ глазахъ
многихъ. Кромѣ того: Никонъ старался подкрѣпить свои
положенія обильными ссылками на св. писаніе, на св. отцовъ,
на правила и постановленія соборовъ, и такимъ образомъ
утверждалъ свои воззрѣнія на такой аргументаціи, которая
имѣла полную обязательную силу и для самого царя Алек-
сѣя Михайловича, стремившагося сообразовать не только
свою частную, но и всю общественную жизнь съ требова-
ніями св. писанія, церковныхъ правилъ и постановленій, и
въ отступленіи отъ нихъ, въ ихъ нарушеніи видѣвшаго
тяжкое преступленіе. Въ виду этого воззрѣнія Никона ни-
какъ не могли остаться незамѣченными не только его про-
тивниками, но особенно тѣми, хотя и очень немногими, кому
они пришлись какъ нельзя болѣе по душѣ; а такія лица
дѣйствительно были. Поддѣякъ Ѳеодоръ Трофимовъ въ по-
данной имъ „росписи вкратцѣ, чѣмъ Никонъ патриархъ съ
товарищи на царскую державу возгордились и его царскіи

чинъ и власть и обдержаніе себѣ похищаютъ“; прямо указы-
ваетъ, кто именно были сторонники Никона, раздѣлявшіе
его взглядъ, что священство выше царства. „Патріархъ Ни-
конъ, говоритъ Трофимовъ, *и власти пишутца и называютца*
великими государями и свободными архіереями: мь-де суоу
царскому неподлежимъ. судитъ-де намъ отецъ намъ патріархъ.
Онижъ въ своихъ паствахъ поставляютъ архимандритовъ и
игуменовъ и протопоповъ *самовольствомъ*, кто имъ годенъ,
безъ указу великаго государя: потому они называются *свобод-*
ными; а что они царскому суду не подлежатъ, и то есть
свобода жъ. А что ихъ судити патріарху: подобно сему, еже
глаголетъ Господь: *аще сатана сатану изгонитъ, на ся раз-*
дѣлился есть. Якоже Богъ единъ судитъ всѣмъ, *тако и всеоб-*
державшій царь. И аще Богъ изволитъ и великій государь тое
ихъ гордость сломитъ и подъ свою высокую руку и подъ
судъ подклонитъ, то все благочестіе исправитца. Они бо ради
свободнаго житія законы превращаютъ, и уставы, преданныя
имъ, прелагаютъ, и отъ вѣры отступаютъ, а православіе съ
еретичествомъ соединяютъ“.

Что вмѣстѣ съ Никономъ и другіе русскіе архіереи „на цар-
скую державу возгордились“, что эти „свободные архіереи“
не хотѣли, по примѣру Никона, подчиняться царскому суду,
не желали допускать со стороны свѣтской власти никакого
вмѣшательства въ свои епархіальныя дѣла, такъ какъ она
надъ церковными іерархами неимѣетъ никакихъ законныхъ
верховныхъ правъ,—это заявленіе было совершенно вѣрно.
Правда, тогдашніе архіереи считали Никона своимъ пора-
ботителемъ, всячески желали и добивались его окончатель-
наго низверженія, но зато относительно высказанныхъ Ни-
кономъ воззрѣній на отношеніе царства и священства, они
рѣшительно стали на его сторону, и даже отважились тор-
жественно и официально выразить это на большомъ москов-
скомъ соборѣ 1667 года, какъ это сейчасъ увидимъ нѣ-
сколько ниже.

Въ виду указаннаго положенія дѣлъ свѣтской власти не-
обходимо было, если она не хотѣла признать надъ собою
главенства и первенства власти духовной, противопоставить
воззрѣніямъ Никона и его сторонниковъ воззрѣнія проти-
воположныя, и притомъ такъ, чтобы они заявлены были
тоже духовными властями, только болѣе компетентными и

авторитетными, чѣмъ Никонъ и русскіе архіерен. Съ этою именно цѣлію свѣтское наше правительство обратилось на востокъ, къ чetyремъ восточнымъ патріархамъ, съ просьбою, чтобы они рѣшили предложенные имъ вопросы о власти царской и патріаршей. Геродиаконъ грекъ Мелетій, отправленный на востокъ къ патріархамъ съ вопросами, привезъ на нихъ отвѣты патріарховъ и собора, составленные, какъ и слѣдовало ожидать, въ духъ совершенно противоположномъ воззрѣніямъ Никона.

Въ отвѣтѣ патріарховъ и собора на первый вопросъ: „Что есть царь?“ между прочимъ говорится: „царю подобаетъ, да будетъ глава и верхъ ко всѣмъ членамъ, подчиненнымъ ему... Добрѣ разсуждати долженствуютъ царіе, еже недати своя чести икъмъ, ниже новствовати въ твореніи благодарній по оной причинѣ: не даждь иному чести твоя, да неподвиженши ось на тя... Царь есть Господь всѣхъ подданныхъ своихъ, ожидающихъ отъ него дарованій и добротвореній, — противныхъ паки—казни. Аще убо кто царю видится противень быти, *хотя есть и лице церковное, въ достоинствѣ вчиненное*, не безъ ума убо мечъ носить, но въ похвалу добрѣ творящихъ, въ гажденіе же злѣ дѣющихъ, *ибо мѣстникъ Божій есть*. Второй вопросъ, предложенный на разрѣшеніе восточныхъ патріарховъ былъ слѣдующій: „Подобаетъ ли всѣмъ, наипаче мѣсто держащу епископу или патріарше, подчиненну быти и повиноватися царю, царскую власть держащему и ея употребляющему, во всякихъ гражданскихъ вещехъ и прѣвнїяхъ тако, воежебы единому быти господину и начальнику, или ни?“ Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ между прочимъ говорится: *якоже Богъ есть на небеси повсемѣственнъ, то на земли суть по Бозъ тїи, иже держацій царскую власть и престоль: и якоже, иже несохранивъ вѣры божественныя отъ общества вѣрныхъ изгнанствуя отвергается, подобнѣ, иже вѣры, къ царскому достоинству сотворенныя, не сохранишія, лестію же и отай дѣющіи, недостойни, намъ мнятся, еже христіанское имя на себѣ къ тому содержати, занеже бо помазанникъ Господень именуется и есть, иже царскимъ вѣнцомъ увѣнчанъ быше*. Затѣмъ приводится исповѣданіе, какое дѣлали греческіе патріархи императорамъ: „исповѣдую симъ писаніемъ моимъ, еже сохранити ми къ тебѣ, крѣпчайшему царю и повѣлителю, чистую вѣру и благохо-

тѣніе, якоже долженствую то отъ естественнаго нѣкоего ма-
новенія и отъ правильнаго долга тако, *во еже бы ми быти*
подъ повѣлительствомъ и заповѣдію и поды маніемъ царскаго
твоего достоинства и противну противу всякому челоуѣку,
противляющемуся сему моему крестному цѣлованію. И по-
малѣхъ: сіе же крестное цѣлованіе неточію къ царю, но и
къ царицѣ и къ ея сыномъ — царевичемъ принадлежитъ...
И по малѣхъ: еже быти ми поды изволеніемъ и прописаніемъ
твоея царскія свѣтлости, *и еже дѣлати ми поблаго-*
изволеніи твоихъ царскихъ тако писаніемъ преданныхъ, якоже
и кромѣ писаній изъявленныхъ... Аще же откуду явится нѣ-
кое сомнѣніе, *объщаю мя подлагати поды судъ и его достойныя*
казни по предложенію и повелѣнію твоего царскаго престола".
Приводя эти выдержки изъ 64 главы великаго Номоканона,
патріархи дѣлають такое резюме: „изъ нихъ же собирается:
царя убо быти совершенна господа и единаго быти законо-
давца всѣхъ дѣлъ гражданскихъ; *патріарха же послушива*
быти царю, яко поставленному на высочайшемъ достоинствѣ
отъ мстителю Божію, ниже коимъ-либо обычаемъ господство-
вати еже хотѣли или дѣяти въ вещехъ гражданскихъ, еже
есть противно и пакостно царскому непщеванію... Творяща
(патріарха) противнѣ церковнымъ уставомъ, *или противно*
царю, неразсуднѣ и безумнѣ дѣюща, и съ престола своего
весьма быти извержительно и удалительно". Въ отвѣтъ на
пятый вопросъ говорится: „никто не имѣеть толіко свободу,
да возможетъ противитися царскому повелѣнію, *законъ бо есть.*
Того ради, *аще кто и духовный предстатель, аще и патріар-*
ломъ его наречени, или иного степени мужъ, сичевому повелѣ-
ленію (словесному) или епистоліи сопротивилъ бы ся, да стра-
ждетъ казнь, яко безправильное нѣчто сотворивый"¹⁾.

Такимъ образомъ, восточные патріархи на предложенные
имъ вопросы объ отношеніи власти царской и патріаршей
отвѣтили совершенно противоположно Никону. Они признали,
что царская власть выше духовной, такъ какъ царь есть на-
мѣстникъ Божій на землѣ, что патріархъ наравнѣ со всѣми
другими подданными обязанъ царю безусловнымъ во всемъ
повиновеніемъ, что всякое повелѣніе, идущее отъ царя, бу-

¹⁾ Гиббенета. Истор. изслѣд. дѣла п. Никона, т. 2, прил., стр. 671 и
слѣд.

деть ли то словесное или письменное, „законъ есть“ и потому исполнѣ обязательно для патріарха, который долженъ „подлагать себя подъ судъ царскій“, и наравнѣ съ другими подданными нести кару за всякое противленіе царскимъ повелѣніямъ.

Понятно само собою, что русскіе архіереи, мечтавшіе было освободиться отъ зависимости отъ свѣтской власти, не могли согласиться съ предложеннымъ восточными патріархами рѣшеніемъ вопроса о власти царской и патріаршей, отдававшимъ архіереевъ въ безусловное распоряженіе свѣтской власти. Естественно было съ ихъ стороны попытаться снова подвергнуть этотъ вопросъ обсужденію, въ видахъ болѣе благопріятнаго для нихъ его рѣшенія. За это дѣло взялись главнымъ образомъ два архіерея, выдававшіеся тогда своимъ умомъ, относительною образованностію, своимъ нерасположеніемъ лично къ Никону, и въ то же время горячимъ сочувствіемъ къ его церковной реформѣ и къ его воззрѣніямъ на отношеніе царства и священства. Эти два архіерея были: Павелъ, митрополитъ крутицкій, и Иларіонъ, архіепископъ рязанскій, за которыми послѣдовали и другіе русскіе архіереи. Такъ какъ въ 1666 году въ Москву прибыли два восточные патріарха съ нѣкоторыми архіереями для соборнаго суда надъ Никономъ, то Павелъ и Иларіонъ рѣшились открыто поднять на соборѣ вопросъ о царской и патріаршей власти съ тѣмъ, чтобы вновь соборно обсудить этотъ вопросъ и добиться иного его рѣшенія, нежели какое дано было ему на востокѣ, гдѣ вовсе не было представителей и защитниковъ того взгляда, что священство выше царства, почему вопросъ и былъ рѣшенъ тамъ, по ихъ мнѣнію, очень односторонне.

Дѣйствительно, на соборѣ 1667 года, въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій, происходили очень горячія пренія о власти царской и патріаршей, при чемъ русскіе архіереи употребляли всѣ усилія доказать, на основаніи по преимуществу свидѣтельствъ изъ отцовъ церкви, что священство выше царства: они рѣшительно заявляли, что Златоустъ и другіе святыя отцы „яснѣ солнца утверждаютъ, что степень священства выше степени царской“. Напротивъ присутствовавшіе на соборѣ греческіе іерархи всячески стремились доказать, что царство выше священства, „что тѣ никонствуотъ и пап-

ствують, кто покушается уничтожить царство и поднять на высоту священство“. Когда греческіе іерархи, въ опредѣленіи о низложеніи Никона, привели обѣщаніе константинопольскаго патріарха Михаила императору Мануилу — „обѣщаюсь пребыть въ распоряженіи, волѣ и повелѣніи царства твоего такъ, что противъ всякаго, противящагося настоящему моему клятвенному обѣщанію не только въ отношеніи къ царю, но къ царицѣ и къ ихъ сыновьямъ, буду дѣйствовать клятвою, равно и въ отношеніи къ дочерямъ царскимъ и къ ихъ будущимъ супругамъ“, — то русскіе архіереи находили это патріаршее обѣщаніе „не только унижительнымъ и неприличнымъ, но и недостойнымъ и чуждымъ патріаршеской власти. Ибо если архіерей, говорили они, и какой бы то ни было священникъ не можетъ давать клятвы, какъ же клянется здѣсь патріархъ вселенскій?“ Греки читають на соборѣ, въ свое оправданіе, слѣдующее опредѣленіе, найденное ими въ патріаршемъ александрійскомъ собраніи законовъ:

„Предпріемлющимъ отнынѣ заговоры, или собирающимъ скопища—анаеема.

„Содѣйствующимъ имъ и сообщникамъ ихъ въ отложеніи—анаеема.

„Совѣтующимъ и побуждающимъ къ тому же—анаеема.

„Вооружающимся на помощь имъ—анаеема.

„Пріемлющимъ ихъ къ покаянію, тогда какъ они не раскаиваются въ мятежѣ и неоставляютъ его—анаеема.

Выслушавъ это русскіе архіереи говорили: „мы знаемъ, что подвергаются анаеемѣ еретики, какъ напримѣръ въ недѣлю православія. Но что касается до заговорщиковъ и мятежниковъ, то не знаемъ и не читали нигдѣ, чтобы они поражаемы были молніею проклятія. Помнимъ слова Тарасія патріарха въ апологетической рѣчи: страшна анаеема, потому что отлучаетъ человѣка отъ Бога, изгоняетъ изъ царства небеснаго, ведетъ во тьму кромѣшную“. — „А развѣ не помните, возразилъ газскій митрополитъ, какъ патріаршествовавшій нѣкогда Михаилъ, съ согласія бывшаго тогда собора, подвергъ анаеемѣ заговорщиковъ?“ — „Такъ, отвѣчали архіереи, но законно ли это дѣлается, мы не знаемъ и желаемъ видѣть яснѣйшее свидѣтельство“. — Между прочимъ Павелъ Крутицкій и Иларіонъ Рязанскій за то, что не хотѣли подпи-

саться подъ греческимъ постановленіемъ о низложеніи Никона и за то, „что они осмѣлились высказать въ одной темной бумагѣ, писанной нестолько чернилами, сколько ядомъ змѣинымъ“, удалены были съ соборныхъ засѣданій и даже на время лишены были права священнодѣйствовать. Желая оправдать свое поведеніе названные два архіерея, по разсказу Лигарида, разъ ночью явились къ патріархамъ „и говорили, что Златоустый еще сказалъ: священство выше царской власти. Въ подкрѣпленіе себѣ приводили и тотъ древній обычай, издревле употреблявшійся при хиротоніи архіерейской, что хиротонисаемый архіерей становится ногами на двуглаваго орла — римскій знакъ самодержавной власти. Приводили еще и то, что неприлично и даже преступно архіереямъ цѣловать десную руку царя... Вы, продолжали говорить наши архіереи патріархамъ, вы, находясь подъ насильственнымъ владычествомъ христоненавистныхъ агарянъ, за свое терпѣніе и страданіе, несомнѣнно имѣете получить награду и вѣнецъ отъ праведнаго мздовоздаятеля и вѣнцѣносца Спасителя; а мы, несчастные убожаемые за то, что находимся въ самыхъ нѣдрахъ христіанства, терпимъ великую нужду въ своихъ епархіяхъ и всякія затрудненія: и хотя много тяжкаго по неволѣ терпѣливо переносимъ отъ властей, но страшимся еще худшаго впереди, когда утверждено будетъ, что государство выше церкви, хотя и не имѣемъ въ умѣ той мысли, чтобы пришлось намъ терпѣть такія несправедливости и оскорбленія въ благополучное царствованіе богохранимаго и добролюбѣднаго царя нашего, государя Алексія Михайловича; боимся за будущее, опасаемся, чтобы послѣдующіе государи, не зная смысла патріаршаго постановленія, не погрѣшили, послѣдуя просто буквѣ, которая часто убиваетъ“.

Такъ какъ обѣ стороны на соборѣ—русская и греческая, расходились между собою въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи власти царской и патріаршей, то соборъ, послѣ продолжительныхъ преній, продолжавшихся нѣсколько засѣданій, счелъ за лучшее избрать средній, примирительный путь. Патріархи въ концѣ концовъ заявили: „да будетъ признано заключеніе, что царь имѣетъ преимущество въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ въ церковныхъ, дабы такимъ образомъ сохранилась цѣлюю и непоколебимою во вѣкъ строи-

ность церковнаго учрежденія. Всѣ воскликнули: сіе есть мѣнѣе богоносныхъ отецъ! Такъ мыслимъ всѣ! Да живеть на многія лѣта добродѣльный и непобѣдимый нашъ царь! Да продлится на многія лѣта и ваша жизнь и благоденствіе святѣйшіе и блаженнѣйшіе!“¹⁾

Такъ былъ рѣшенъ у насъ соборомъ 1667 года вопросъ объ отношеніи власти царской и патріаршей, вопросъ только въ этотъ единственный разъ официально возникавшій у насъ въ теченіе всей нашей исторіи и единственный разъ публично обсуждавшійся на соборѣ. Но рѣшеніе собора и самыя соборныя разсужденія по этому вопросу невошли однако въ соборныя официальныя дѣянія, не были закрѣплены подписями присутствующихъ на соборѣ, а потому и не получили обязательнаго официального значенія. Фактически и по существу положеніе дѣлъ и послѣ собора 1667 года осталось прежнее; попрежнему патріархъ находился въ полной безусловной зависимости отъ царской власти. Царь Алексѣй Михайловичъ, послѣ удаленія Никона управлявшій всею русскою церковію почти десять лѣтъ, такъ какъ новаго патріарха онъ не считалъ пока удобнымъ избирать, спокойно могъ бы и совсѣмъ прекратить у насъ существованіе патріаршества,—никакихъ серьезныхъ препятствій къ этому онъ ниоткуда бы не встрѣтилъ. И если онъ рѣшилъ наконецъ на мѣсто Никона поставить въ патріархи стараго, болѣзненнаго и совершенно безличнаго Іоасафа, то единственно потому, что Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ быть царемъ по примѣру древнихъ благочестивыхъ греческихъ царей, рядомъ съ которыми всегда обязательно былъ и патріархъ. Но уже его сынъ Петръ не считалъ старую Византію за образецъ для себя, для полноты русскаго православнаго царства не считалъ обязательнымъ существованіе патріаршества, а потому окончательно и уничтожилъ его. Невидать, чтобы наши архіереи, тогдашнее общество, а тѣмъ болѣе самый народъ, выразили чѣмъ-нибудь свое неудовольствіе, или протестъ по поводу уничтоженія патріаршества. Напро-

¹⁾ Подробно засѣданія собора 1667 года о власти царской и патріаршей изложены нами въ статьѣ: „Сужденіе большаго Московскаго собора 1667 года о власти царской и патріаршей. Богослов. Вѣстн. 1892 г. Октябрь.“

тивъ, всѣ отнеслись къ этому акту царской воли совершенно равнодушно и пассивно, какъ къ такому явленію, которое не касалось и близко не затрогивало ничьихъ интересовъ. Очевидно, наше патріаршество, созданное исключительно свѣтскою властію по политическимъ чисто мотивамъ, въ свое столѣтнее существованіе не пустило никакихъ прочныхъ въ народной жизни корней, не имѣло съ нею никакой живой, органической связи, и потому, какъ возникло, такъ и умерло, только по хотѣнію свѣтской верховной власти, почти совсѣмъ не оставивъ никакихъ серьезныхъ слѣдовъ даже въ строѣ и характерѣ самой нашей церковной жизни.

Московскій патріархъ, во всемъ зависимый отъ царя, обязанный ему безпрекословнымъ подчиненіемъ и повиновеніемъ, не былъ свободенъ даже и въ своемъ собственномъ епархіальномъ управленіи, т.-е. въ управленіи своею спеціально-патріаршею областію, такъ какъ и въ этой сферѣ онъ находился, наравнѣ совсѣми другими епархіальными архіереями, подъ постояннымъ довольно бдительнымъ и очень существеннымъ контролемъ свѣтской власти.

Въ древней Руси еще съ XV вѣка, если не ранѣе, существовалъ у всѣхъ архіереевъ довольно сильно развитый институтъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, избиравшихся изъ цѣлыхъ родовъ служилыхъ людей, которые жили при архіерейскомъ домѣ, имѣли въ своемъ пользованіи архіерейскія земли и несли при архіереѣ разныя службы, отъ которыхъ они и кормились. Изъ нихъ избирались архіерейскіе: бояре, дьяки, десятильники, тіуны, праветчики и доводчики, приставы или недѣльщики, дворецкіе, волостели, прикащики, стольники, кравчіе, конюшіе и пр., такъ какъ архіерейскій домъ и все архіерейское управленіе устроены были тогда по образцу княжескаго двора и управленія, при чемъ свѣтскіе архіерейскіе чиновники обладали очень обширными полномочіями и правами во всѣхъ дѣлахъ епархіальнаго управленія. За небольшими исключеніями духовныя лица въ архіерейскомъ управленіи тогда почти совсѣмъ отсутствовали, а все оно совершалось при помощи различныхъ свѣтскихъ чиновниковъ. Когда потомъ у великихъ князей и царей московскихъ явились разныя „приказы“ какъ правительственныя учрежденія, то по ихъ образцу патріархъ Филаретъ Никитичъ устроилъ такіе же „приказы“ и въ патріар-

шемъ управленіи, а такъ же и въ управленіи епархіальныхъ архіереевъ. Большинствомъ архіерейскихъ приказовъ вѣдали свѣтскіе чиновники. Изъ нихъ самыми важнѣйшими и вліятельнѣйшими въ архіерейскомъ управленіи были: бояре, дворецкіе и дьяки.

Современи состоявшихся на Стоглавомъ соборѣ опредѣленій о святильскомъ судѣ, архіерейскіе бояре составляли при архіереяхъ судное отдѣленіе по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ архіерейской юрисдикціи: у нихъ хранились различные архіерейскіе указы и распоряженія по различнымъ дѣламъ епархіальнаго управленія; къ нимъ, а не къ архіереямъ непосредственно, обращались царскіе приказы съ своими памятями по тѣмъ или другимъ вопросамъ. Со времени Филарета Никитича въ особомъ патріаршемъ приказѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „Розрядъ“, сосредоточивались всѣ епархіальныя судебныя и административныя дѣла, а самый приказъ находился въ вѣдѣніи патріаршаго боярина. Понятно отсюда, какую важную и видную роль во всемъ епархіальномъ управленіи играли архіерейскіе бояре: всѣ дѣла, какія только подвѣдомственны были архіерею, иногда и дѣла чисто духовныя, проходили всегда чрезъ руки архіерейскихъ боярѣ, которые разсматривали и подготавливали всякое дѣло, поступившее къ архіерею, благодаря чему они необходимо имѣли огромное вліяніе на рѣшеніе епархіальныхъ дѣлъ и на все вообще архіерейское епархіальное управленіе.—Затѣмъ особенно видное и важное значеніе имѣли при архіереяхъ дворецкіе. На обязанности дворецкаго прежде всего лежало завѣдываніе всѣмъ архіерейскимъ домомъ въ хозяйственномъ отношеніи. Его вѣдѣнію и надзору подчинены были всѣ архіерейскіе служилые люди: дѣти боярскія, разнаго рода должностныя лица, домовая прислуга, ремесленники, рабочіе и пр. Затѣмъ на обязанности дворецкаго лежало вѣдать и управлять всѣми архіерейскими землями и имѣніями, какъ тѣми, которыя находились въ непосредственномъ вѣдѣніи архіерея и его, такъ называемыхъ, домовыхъ монастырей, такъ и тѣми, которыя отдавались въ пожизненное владѣніе различнымъ служилымъ лицамъ при архіереѣ: боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и пр. Дворецкій обязанъ былъ наблюдать за цѣлостью архіерейскихъ земель, заботиться объ увеличеніи ихъ, о замѣнѣ менѣе выгодныхъ болѣе выгодными въ

какомъ-либо отношеніи, почему дворецкіе покупали своимъ архіереямъ земли, промѣнивали церковныя земли на земли частныхъ владѣльцевъ и т. под. Но одна изъ самыхъ главныхъ и важнѣйшихъ обязанностей дворецкаго состояла въ томъ, что онъ имѣлъ право суда надъ всѣми лицами, жившими на архіерейскихъ земляхъ.—Послѣ бояръ и дворецкихъ особенно важное значеніе въ архіерейскомъ управленіи имѣли дьяки, люди совершенно необходимые во всякомъ дѣлѣ, требующемъ знанія законовъ, старины, письменнаго канцелярскаго искусства, безъ подписки которыхъ ни одна бумага не могла получить официальнаго характера, и безъ дѣятельнаго, и часто руководящаго, участія которыхъ недѣлалось ни одно сколько нибудь важное дѣло.

Архіерейскіе бояре, дворецкіе и дьяки держали въ своихъ рукахъ почти все архіерейское управленіе, такъ какъ къ нимъ нерѣдко поступали на разсмотрѣніе и собственно духовныя дѣла. Свѣтское правительство прекрасно понимало то важное значеніе, какое указанные свѣтскіе чиновники имѣли во всемъ епархіальномъ архіерейскомъ управленіи, и потому оно постаралось этихъ важныхъ и вліятельныхъ архіерейскихъ чиновниковъ поставить въ прямую зависимость отъ себя, что бы чрезъ нихъ подчинить своему вліянію и все епархіальное архіерейское управленіе. Стоглавый соборъ постановилъ, что архіереи не могутъ однолично, безъ одобренія и согласія царя, назначать своихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, и что въ случаѣ неимѣнія архіереемъ лицъ, способныхъ занять эти должности, царь назначаетъ ихъ изъ своихъ чиновниковъ; точно такъ же, безъ согласія и воли царя, архіереи не имѣютъ права и увольнять по своему усмотрѣнію отъ занимаемыхъ ими должностей, назначенныхъ царемъ чиновниковъ. Въ силу этаго постановленія Стоглаваго собора свѣтская власть окончательно присвоила себѣ право назначать и увольнять важнѣйшихъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, и не только чиновниковъ простаго епархіальнаго архіерея, но и самаго московскаго и всея Руси митрополита, а потомъ патріарха. „Въ запискѣ о царскомъ дворцѣ, чиновначаліи, церковныхъ чинахъ“ и пр. (1610—1613 г.), прямо говорится: „а въ справедливости въ духовныхъ дѣлахъ, судить его патріаршій бояринъ, да дворецкій, да съ нимъ два дьяка, и доводятъ дѣла предъ него

(патріарха), а казначей собираетъ и завѣдуетъ казну патріаршу: а дается бояринъ, дворецкій и дьяки отъ государя⁴. Это свидѣтельство подтверждается и другими данными, которыя приводитъ здѣсь было бы излишне.¹⁾

Такимъ образомъ, въ лицѣ архіерейскихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, назначаемыхъ и увольняемыхъ царемъ, все епархіальное управленіе архіерея, а также и патріарха, необходимо было подчиненно очень чувствительному и стѣснительному для архіерея контролю свѣтской власти. Флетчеръ свидѣтельствуетъ, что власть назначаемыхъ государемъ къ архіереямъ свѣтскихъ чиновниковъ была такъ велика, что епископы нерѣшались самостоятельно рѣшать дѣла, поступавшіе на ихъ судъ. Такъ, если бы епископъ захотѣлъ смягчить рѣшеніе по какому нибудь дѣлу, то онъ долженъ былъ предварительно предложить это на разсмотрѣніе своимъ чиновникамъ. Такое положеніе дѣлъ, по замѣчанію Флетчера, было слѣдствіемъ того, что эти чиновники назначались не епископами, а самимъ государемъ или его думой, и они обязаны были давать отчетъ въ своемъ управленіи не епископу, а свѣтской власти. Если епископъ получалъ позволеніе имѣть чиновниковъ по своему собственному выбору, то это считалось знакомъ особенной царской милости. Предположимъ, что если это свидѣтельство Флетчера объ отношеніи свѣтскихъ чиновниковъ къ архіерею даже нѣсколько и преувеличено, то все-таки остается несомнѣннымъ, что эти чиновники, назначаемые и увольняемые царемъ, и зависѣли отъ царя, а не отъ архіерея, у котораго они служили, и потому въ своей дѣятельности естественно стремились болѣе угодить свѣтскому правительству, чѣмъ духовному. Очень возможно, что царскій чиновникъ, при своемъ назначеніи на службу къ архіерею, получалъ отъ свѣтской власти указанія, какъ онъ долженъ вести себя относительно архіерея, какъ долженъ поступать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, и послѣ давалъ отчетъ государю о своей дѣятельности, о положеніи всѣхъ епархіальныхъ дѣлъ, такъ что все

¹⁾ Желающіе ближе познакомиться съ свѣтскими архіерейскими чиновниками въ древней Руси и вообще съ строемъ догдшняго епархіальнаго управленія, могутъ читать нашу книгу: „свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси“. Москва 1874 годъ.

епархіальное архіерейское управление было очень не самостоя- тельно, находилось подъ постояннымъ бдительнымъ контро- лемъ со стороны свѣтской власти. Очевидно каждый архі- ерей древней Руси, такъ же какъ и самый патріархъ, по- стоянно чувствовалъ себя связаннымъ и очень стѣсненнымъ даже въ управленіи своею собственною епархіею.

Изъ сказаннаго понятнымъ становится, почему русскіе архіереи на соборѣ 1667 года такъ горячо и дружно стали на сторону не любимаго ими Никона по вопросу объ отно- шеніи свѣтской власти къ духовной; понятнымъ становится, что разумѣли русскіе архіереи, когда говорили восточнымъ патріархамъ: „вы, находясь подъ насильственнымъ владыче- ствомъ христо-ненавистныхъ агарянъ, за свое терпѣніе и страданіе, не сомнѣнно имѣете получить награду и вѣнецъ отъ праведнаго мздовоздателя и вѣнценосца Спасителя; а мы, несчастные и ублажаемые за то, что находимся въ самыхъ нѣдрахъ христіанства, терпимъ великую нужду въ своихъ епархіяхъ и всякія затрудненія; и хотя много тяжелаго по неволѣ терпѣливо переносимъ отъ властей (свѣтскихъ); но страшимся еще худшаго впереди, когда утверждено будетъ, что государство выше церкви“.

И такъ, наши московскіе патріархи всея Руси фактически даже въ своемъ епархіальномъ управленіи далеко не были самостоятельны, а зависѣли и здѣсь отъ свѣтской власти, которая назначала къ нимъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, сосредоточивавшихъ въ своихъ рукахъ всѣ важнѣйшія отрас- ли тогдашняго архіерейскаго управленія, и которыхъ патрі- архы не могли, по своему личному желанію и усмотрѣнію, даже отставить отъ занимаемыхъ ими должностей, или за- мѣнить ихъ другими болѣе пригодными, по ихъ мнѣнію, лицами.

Говорить послѣ всего нами сказаннаго, что патріархи въ древней Руси были независимы отъ свѣтской власти, что они, какъ верховные представители церкви, пользовались полною свободою и самостоятельностью, и руководились въ своей дѣятельности только церковными началами и нормами, рѣшительно невозможно. Церковная власть и въ патріар- шій періодъ древней Руси находилась въ такой же зависи- мости и подчиненіи свѣтской власти, въ какой она находи- лась и въ послѣдующій синодальный періодъ: съ уничтоже-

ніемъ патріаршества и съ учрежденіемъ св. Синода никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи не произошло: взаимныя отношенія между свѣтскою и духовною властію остались тѣже, какія были и ранѣе. И напрасно нѣкоторые наши писатели винятъ императора Петра Великаго въ томъ, что онъ, уничтоживъ патріаршество и учредивъ св. Синодъ, тѣмъ самымъ будто бы лишилъ русскую церковь ея былой самостоятельности и независимости, сдѣлавъ ее только послушнымъ орудіемъ свѣтской власти. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Послушнымъ орудіемъ въ рукахъ свѣтской власти духовная власть была съ того самаго времени, когда на Москвѣ выросла и вполне окрѣпла власть сначала великаго князя, а потомъ царя московскаго.

Но если наши патріархи древней Руси и зависѣли во всемъ и всецѣло отъ свѣтской власти, то всетаки, несмотря на это, ихъ вліяніе въ то время, какъ верховныхъ представителей церкви, несомнѣнно было гораздо сильнѣе и замѣтнѣе на всю нашу общественную жизнь, чѣмъ въ синодальній періодъ. Въ лицѣ патріарховъ наша церковь пользовалась и со стороны свѣтской власти большимъ вниманіемъ и уваженіемъ, чѣмъ это было послѣ учрежденія св. Синода. Но это явленіе, которое обыкновенно приписываютъ самому факту существованія у насъ патріаршества, объясняется однако совершенно другими обстоятельствами, къ которымъ существованіе или несуществованіе у насъ патріаршества, неимѣло собственно никакого прямаго отношенія. Дѣло тутъ, по нашему мнѣнію, заключалось единственно въ слѣдующемъ: наши государи Московской Руси были обыкновенно завзятыми, искренними церковниками, воспитывавшимися на не опустительномъ посѣщеніи разныхъ церковныхъ службъ, на строгомъ соблюденіи во всемъ, начиная съ своей обыденной домашней обстановки, церковнаго устава и разныхъ церковныхъ постановленій и требованій. Они обучались, какъ и всѣ тогда, по псалтыри, прочитывали, въ видахъ своего развитія и обогащенія знаніями, извѣстный кругъ церковно-богослужебныхъ и церковно-учительныхъ книгъ, сборники изъ св. Отцовъ и учителей церкви, разныя житія святыхъ, благочестиво-назидательныя сказанія и хронографы, благодаря чему благочестивые Московскіе государи нерѣдко были хорошими начет-

чиками, знали церковный уставъ, часто не хуже любаго архіерея, и въ концѣ концовъ, какъ знатоки и любители всего церковнаго, которое всегда было для нихъ очень близкимъ и дорогимъ, въ высшей степени интересовались всѣми даже подробностями церковной жизни, обязательно вмѣшиваясь въ ея ходъ и событія. Вопросы о хожденіи посолонъ, о сугубой аллилуйи, о церковныхъ звонахъ, о единогласіи или многогласіи въ церковномъ пѣніи и т. под., все это для нашихъ Московскихъ государей были настолько живые и затрагивающіе ихъ вопросы, что они интересовались ими неменѣе вопросовъ чисто государственныхъ, и потому принимали въ ихъ рѣшеніи самое горячее и дѣятельное участіе. Словомъ церковная жизнь, съ ея специальными требованіями и уставами, имѣла для Московскихъ царей доминирующее значеніе, а потому и высшій представитель этой жизни — патриархъ, долженъ былъ обязательно занимать тогда особое, очень видное и замѣтное положеніе при царскомъ дворѣ, тѣмъ болѣе, что и всѣ окружающія царя и близкія къ нему лица, стояли на томъ же самомъ уровнѣ пониманія и интересовъ, т. е. всѣ были болѣе или менѣе церковниками.

Но если прежде царь—церковникъ постоянно чувствовалъ нужду имѣть около себя близкое ему духовное лицо: духовника-ли, патриарха-ли, или кого-либо изъ другихъ выдающихся духовныхъ, что бы посовѣтываться съ нимъ, побесѣдовать объ одинаково интересующихъ обоихъ церковныхъ и душеспасительныхъ предметахъ и т. под.; то времени Петра обстоятельства рѣзко измѣнились. Наши цари стали воспитываться уже совершенно иначе, нежели ихъ Московскіе предшественники, а вслѣдствіе этаго у нихъ образовался на все иной кругъ возрѣній, иное пониманіе окружающаго, иные вкусы и интересы, очень далекіе отъ прежнихъ, при чемъ ихъ прежняя церковность необходимо все болѣе и болѣе отодвигалась назадній планъ, а вмѣстѣ съ нею отдалялись отъ дворца и ея представители, скоро и совсѣмъ забывшіе прежнюю торную для многихъ изъ нихъ дорогу во дворецъ. Это новое направленіе въ нашей умственно-культурной жизни, начавшись съ самыхъ верховъ, съ теченіемъ времени стало захватывать все болѣе широкіе круги, вытѣсняя отовсюду былую Московскую церковность, которая, оста-

ваясь прежнею и неизмѣнною, не съумѣла удовлетворить новымъ народившимся религіозно - нравственнымъ требованіямъ и запросамъ, а это естественно породило рознь между представителями нашей церкви, оставшимися въ большинствѣ при прежней условной церковности, и болѣе образованнымъ слоємъ русскаго общества. Теперешняя рознь между интеллигенціею и церковностію, очемъ такъ любятъ говорить многіе витіи въ обличительномъ тонѣ для интеллигенціи, явилась не со вчерашняго дня, а есть результатъ очень продолжительнаго и постепеннаго процесса, и эта печальная рознь не можетъ быть уничтожена однимъ возстановленіемъ стараго патріаршества въ его прежнемъ видѣ; тутъ нужно, для достиженія цѣли, много и очень много потрудиться и самимъ представителямъ церкви, и притомъ потрудиться надъ многими.

Н. Кантеревъ.
